

АНАТОЛИЙ ЖУКОВ

ИЗБРАННОЕ

Анатолий Николаевич Жуков

ИЗБРАННОЕ

Редактор *Л. А. Трофимчук*
Худож. редактор *Е. Ф. Капустин*
Техн. редактор *Г. В. Белькова и Е. Ф. Шараева*
Корректор *С. И. Крягина*

ИБ № 6178

Сдано в набор 05.01.87. Подписано к печати 14.09.87. Формат 84×
×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Литературная гарнитура. Высокая печать.
Усл. печ. л. 34,44. Уч.-изд. л. 36,13. Тираж 100 000 экз. Заказ № 729.
Цена 2 р. 50 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский
писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный
Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государствен-
ном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Татьяна Иванова. Как наладить вежливую жизнь</i>	3
<i>Чудо природы. Повесть</i>	12
<i>Последняя шутка Гуляева. Рассказ</i>	109
<i>Жил-был Курыль-Мурыль. Рассказ</i>	128
<i>Два героя. Рассказ</i>	141
<i>Корни. Рассказ</i>	156
<i>Черная и белая. Рассказ</i>	162
<i>Одни. Повесть</i>	172
<i>Колоски неспелые, необмолоченные... Рассказ</i>	218
<i>«Му-2». Рассказ</i>	230
<i>Надежда. Рассказ</i>	250
<i>У нейтральной полосы. Рассказ</i>	265
<i>Праздничный сон — до обеда. Рассказ</i>	273
<i>Удочка из Европы. Рассказ</i>	296
<i>Под колесами. Повесть</i>	313
<i>Опоздавший пассажир. Рассказ</i>	361
<i>Повторный фильм. Рассказ</i>	368
<i>Пьют жаждущие. Рассказ</i>	378
<i>Английская трубка. Рассказ</i>	386
<i>Дальнобойщик. Рассказ</i>	392
<i>Счастливо доехать. Рассказ</i>	404
<i>Дачники. Повесть</i>	414
<i>От обиды или от боли? Рассказ</i>	480
<i>После дождя. Рассказ</i>	496
<i>Вечный двигатель. Рассказ</i>	510
<i>Лунный свет. Рассказ</i>	526
<i>Мужлан. Рассказ</i>	540
<i>Что, кума лиса, плачешь? Рассказ</i>	554
<i>Голова в облаках. Повесть</i>	566

АНАТОЛИЙ ЖУКОВ

ИЗБРАННОЕ

ПОВЕСТИ
•
РАССКАЗЫ

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1987

ББК84Р7

Ж86

Художник Давид Шимилис

Жуков А. Н.

Ж 86 Избранное: Повести и рассказы.— М.: Советский писатель, 1987.— 656 с.

В «Избранное» Анатолия Жукова вошли лучшие произведения писателя, созданные им за четверть века. В судьбах героев писатель сумел показать историю поколения, к которому принадлежит сам,— тех, кто отметил пятидесятилетие и прошел со своей страной путь становления и духовного созревания. Поднимая и решая серьезные проблемы, А. Жуков умело соединяет веселое с грустным, элегическое и сатирическое, реальное и фантастическое.

Ж $\frac{4702010200-302}{083(02) - 87}$ 46—87

ББК84. Р7

© Издательство «Советский писатель», 1987

КАК НАЛАДИТЬ ВЕЖЛИВУЮ ЖИЗНЬ

(О творчестве Анатолия Жукова)

У этой книги будут разные читатели: кто-то впервые познакомится с Анатолием Жуковым, а кто-то другой давно и хорошо знает его имя.

Давно?.. Первые его книжки — «Опоздавший пассажир» и «Орлы остаются на памятниках» — выходили в 1960 и 1962 годах. Если сказать «более четверти века назад», покажется, что давно. Ну а если поразмыслить, если учесть личную судьбу автора, то и двадцать пять лет будет не так уж много.

Можно ли считать началом писательства рассказ «Дружба», появившийся тридцать лет назад в газете «Защитник Родины» за подписью «младший сержант Ан. Жуков»? Вряд ли, хотя жюри и отметило его второй премией. Автор тогда только что закончил восьмой класс. В оставшиеся до увольнения два года рассчитывал завершить среднее образование, чтобы вернуться в родную деревню грамотным человеком. Грамотные были необходимы ей, а уезжать после армии в город он тогда не собирался. Впрочем, ведь и городу нужны были образованные люди, специалисты. А в родном совхозе, в заволжской степи, где он рос, откуда ушел на войну и не вернулся отец, где в осиротевшей большой семье мальчик с двенадцати лет стал опорой, узнал всю тяжесть крестьянской работы, — там средней школы не было.

На свой первый рассказ, на публикацию и премию Анатолий Жуков посмотрел с удивлением и больше на писания от учебы и службы не отвлекался. К чтению он пристрастился с детства, в армии перечитал собрание сочинений своего любимого Чехова, чувство сравнения у младшего сержанта работало четко.

Ни о каком писательстве он тогда не мечтал. Вот о путешествиях... О путешествиях мечтал иногда. Но до них ли было?

Дома, после службы, целиком ушел в работу. Совхоз с трудом поднимался из военной разрухи, дела шли совсем не так хорошо и скоро, как хотелось бы, бестолковщины, неразберихи было немало. Видимо чувствуя, что кроме обычного, повседневного труда он может помочь делу еще и словом, А. Жуков стал писать в местные газеты заметки, очерки о земляках, иногда рассказы. И так постепенно стал газетчиком.

На стареньком военном мотоцикле колесил по району. День ездил, день писал. Похоже ли это на писательский труд? Да нет, совсем не похоже.

Но именно тогда началось и писательство. Копились впечатления, мысли, незабываемые встречи. Копились и вопросы, на которые ни школьные учебники (журналисту приходилось учить уроки: в армии закончить школу так и не удалось), ни газеты, ни даже сама жизнь ответов не давали. Уединенные ночные сидения за столом, начало писательства, первые рассказы Анатолия Жукова — не попытки ли это ответить на самые трудные вопросы, не поиски ли возможных ответов?..

Я думаю, что дело обстоит именно так. Более того: попытка осмыслить жизненную ситуацию, которую никак невозможно назвать однозначной, стремление выработать собственное отношение к ней, оценить, разобраться в побудительных причинах человеческих поступков, разрешить сомнения — вот что и по сию пору движет этим пером. От книги к книге вопросы становятся все труднее, искать ответы на них, соответственно, тоже труднее. Рассказы, повести, романы пишутся медленно, но зато и каждая следующая книга будто ступенька вверх: к мудрости, доброте, простоте.

Самые первые его книжки, 1960 и 1962 годов, совсем тонки, обложки их ненадежны и невзрачны. Да и сами рассказы вряд ли кого-нибудь тогда удивили. В те годы расшевелить читательскую душу было не просто: имена возникали чуть не каждый месяц, много было надежд и обещаний. Писали — да и говорили — конечно, о тех, чьи голоса звучали очень громко... Где теперь те книжки, те имена, те надежды и обещания? Совсем скоро оказалось, что форсаж — неподходящий режим для нормальной жизни. Большинство тогдашних знаменитостей скоро составило хор, встало в ряды неотличимых, многие иссякли после первых двух-трех книг и перестали писать. Единицы продолжают работать в литературе, обогащая ее. Жуков, никого не удививший своими первыми сборничками, из их числа.

А когда их сегодня перечитываешь, первые его книжки, то, в общем, понимаешь, почему получилось так, а не иначе. Незатейливость-то их, скорее, кажущаяся, внешняя, потому что рассказы серьезные. Жизнь в них реальная. Люди живые. И кому-то, может быть, уже тогда помог молодой писатель ответить на какие-то вопросы, разрешить сомнения, в кого-то вселил бодрость духа.

Потом был Литературный институт, бесчисленные командировки по стране от молодежного журнала, редакторская работа в издательстве... В разные годы выходили сборники повестей и рассказов. Их не так много, можно перечислить все: «Весенняя поверка», «Надежда», «Последняя шутка Гуляева», «Осенний крик журавлей», «Каждый отвечает за всех», «Здравствуй, отец», «Счастливо доехать», «Необходимо для счастья». В 1977 году вышел роман «Дом для внука», а в 1985-м роман «Голова в облаках».

У всех перечисленных книг есть одно общее свойство: с прилавков они исчезают с какой-то прямо замечательной быстротой. А поскольку детективов Жуков не пишет, с телеэкрана публике не улыбается, журналисты за интервью к нему не спешат, то, стало быть, это исчезновение книг с прилавков явление чисто литературного свойства: читателям известно его простое имя, они ждут его книг.

«Дом для внука» переиздавался дважды, причем в 1980 году он вышел в «Роман-газете». Это, как известно, большой тираж. Но купить книжку было практически невозможно. В библиотеках же она выглядит весьма потрепанной, зачитанной (я брала, знаю).

Союз писателей СССР присудил этому роману премию «За лучшее произведение о современной советской деревне».

Стало быть, это «деревенская проза»?

Нет, «Дом для внука» вовсе не похож ни на одно из произведений, которые мы объединяем понятием «деревенская проза».

Хотя действие происходит в селе и действуют, естественно, люди такие что ни на есть деревенские. На каком же тогда основании я так безоговорочно вывожу Анатолия Жукова за ряд любимых и почитаемых мною деревенщиков и ставлю его вне ряда, на отдельное, только ему одному принадлежащее место?

Давайте внимательно посмотрим, что у него за село, какие люди, как, собственно, они действуют. Тогда будет ясно.

Литература дала нам целую галерею портретов — прекрасные деревенские старики смотрят на нас добрыми, взыскующими истины глазами. Старики, так много вынесшие за свой век, так умеющие работать, терпеть, прощать, такие беззащитные перед нашим напором, перед нашим стремлением переделать жизнь по-своему. Уходящие, доживающие... Только редкие их черты воплотились в детях — в некоторых! в нетипичных! в лучших! в одиноких!..

А деревня? Когда-то многолюдная, радостная, полная всяческих сил и жизни становится все более убогой, неухоженной, некрасивой, безлюдной, жестокой, теряющей вековые нравственные устои, не берегущей землю. Уходящая деревня, умирающая...

Придет ли кому-нибудь в голову упрекнуть деревенщиков в неправде? Думаю, что нет.

Но разве можно себе представить, что на свете нет Хмелевки, большого села, которое создал Анатолий Жуков? Села, которое растет и строится, думает, как проложить дороги, пытается понять, почему в совхозе все вроде организовано лучше, разумнее, современнее, а себестоимость продукции выше — «черт знает почему». Очень красивого села на берегу залива, где живут старики, их взрослые дети, взрослеющие внуки — и старики вовсе не собираются сдаваться, живут, спорят, борются, отстаивают свои взгляды, делают дело, учат и поучают молодых; а их дети похожи на них, как положено детям, они вобрали в свои души и лучшее, и худшее от отцов; и сельские коммунисты (есть же у нас

партийные организации на селе, литература не часто удостаивает их вниманием) выполняют свою партийную работу, существенно влияющую на жизнь родной Хмелевки...

Щербинин — деревенский старик. И Чернов. И Яшка Мытарин. И Монах. Балагуров, между прочим, тоже деревенский старик. И они обладают теми каноническими чертами, которые легко выявляются по серии «деревенская проза». Они пережили со своей страной все крупнейшие исторические события, они вынесли на своих плечах всю тяжесть лет, они носители нравственности... Но Щербинин еще и носитель коммунистической нравственности, борец за идею. И горячий сторонник социалистической идеи Чернов. И когда-то был борцом Мытарин, но потом сделался несогласным — в несогласии неуступчивый, несмирившийся, предпочитающий смирению смерть. И действующий, активный в своих убеждениях Балагуров, и Баховей, честный, но слишком прямолинейный, и старенькая Елена Межова, бессменная учительница Хмелевки. Эта галерея портретов отличается от традиционной отчетливыми социалистическими чертами, что, естественно, не может не соответствовать истине и соответствует ей — поскольку последние десятилетия в нашей стране были десятилетиями социалистического строительства и не только оказывали решающее влияние на судьбы городов, деревень, морей, рек и людей, но и формировали человеческие характеры.

В этом романе мы, вдумавшись в прочитанное, отчетливо увидим, как десятилетия Советской власти, социалистического строительства формировали человеческие характеры. Как они влияли на национальный русский характер в целом, что меняли в нем, какие усугубляли, а какие стирали черты. В этом смысле роман, на мой взгляд, серьезное художественное исследование.

Оно не было бы таким полным, если бы у нас не было возможности узнать детей Щербинина, Баховея, Межова, Мытарина, если бы мы не увидели детей в деле, не услышали их голоса. Но у нас такая возможность есть.

Решимся предположить, что среди множества вопросов, которые волновали писателя, когда он работал над романом «Дом для внука», был и этот: о влиянии революции и послереволюционных лет на характер человека.

Среди множества вопросов — потому что перед нами роман-спор. И мы с вами — среди основных действующих лиц. Как такое возможно? А вот как.

Если мы посмотрим на себя со стороны, то без труда заметим, что всех нас память часто уводит в далекие годы, в прошлое, к нашим истокам. Поэтому мы и хотим осмыслить революционные события, годы индустриализации и коллективизации, думаем о гражданской войне... Мы пытаемся поставить себя на место тех, кто принимал решения в те годы, мысленно вершим все иначе, проигрываем другие варианты, чтобы избежать лишних потерь. Народ, прошедший такой путь, не может не думать.

Тем более что события прошедших и давно прошедших лет до сих пор влияют на нашу жизнь. И будут влиять на жизнь наших детей, внуков, правнуков. Те вопросы не перестают и долго еще не перестанут быть для нас насущными.

Мы думаем, сомневаемся, спорим — и писатель будто слышит наши мысли. Он вместе с нами думает, сомневается, спорит. И вот уже мы с вами — вы и я — вошли в живую, пульсирующую структуру романа, многомерную и многоцветную. Кто это думает, как шла и как могла бы идти коллективизация,— Чернов? Щербинин? Или я?..

Читательская причастность к происходящему в книге — чувство редкое, свидетельство драгоценных свойств прозы. Не к этой ли причастности стремятся те, кто быстро раскупает книги Анатолия Жукова?

Выход нового его романа, «Голова в облаках», был подготовлен журнальными публикациями. Четыре повести, составляющие роман, сначала публиковались в журналах. Опять Хмелевка, те же герои. Только одни из них постарели, другие возмужали, третьи выросли. Время действия вплотную приблизилось к нашим сегодняшним дням. И будто бы поменялась тональность повествования. Первый роман был очень серьезным, трагическим. Второй нельзя читать без улыбки. А то и без смеха. Когда в писательской организации обсуждали эту книгу, выступающие вспоминали и Гоголя, и Салтыкова-Щедрина, и Булгакова: все хотелось прислонить Жукова к какой-нибудь великой тени, чтобы назвать чьим-нибудь последователем.

Это, однако, было трудно. Книга сопротивлялась, никакие сравнения ей не были впору. И назвать сатирическим роман оказалось нельзя, потому что сатира — это ведь насмешка, осмеяние. Но Жуков никого и ничто не осмеивает, он всему происходящему знает объяснение, видит причины, а всех героев горячо и нежно любит. Может быть, это юмористический роман? Но юмор невинен, а во всех четырех повестях — острейшие проблемы нашей жизни. Вот судят кота Адама. Но ведь его проделки лишь повод, чтобы пристально посмотреть на нашу жизнь и прямо сказать друг другу, в чем причины многих наших трудностей, бед и неудач.

Интересно, что Хмелевка невелика, повод для суда пустяковый — а все хмелевские ситуации, все вопросы и варианты ответов легко проецируются на любое село, на любой город.

Интересно и то, что этой книгой Жуков будто всем нам напоминает, что русский юмор, умение смеяться над собой и в самых трудных обстоятельствах — такая же родовая наша черта, черта национального характера, как трудолюбие, долготерпение, незлопамятность, умение прощать.

Если бы пришлось характеризовать писательскую манеру, в самую первую очередь я назвала бы вслед за сдержанностью, мужеством слога, вслед за точностью и простотой слова — остроумие, умение рассыпать

афоризмы, словечки, шутки. «Голова в облаках» собрала их особенно много. Но они были и раньше, везде: в рассказах, в повестях, в первом романе.

В «Избранном» представлены рассказы и повести, написанные в разные годы. Нетрудно заметить, что некоторые из них биографичны. Интерес к личности пишущего традиционен для русской читающей публики и с сочувствием замечен еще Пушкиным. Жуков немало расскажет нам о себе в своих произведениях. И мы увидим, что это не только о нем одном, а еще и о целом поколении советских людей, вступивших сейчас в самую зрелую пору. А ведь конечно же не юность, как бы ни была она обворожительна, и не старость, как бы она ни была мудра, несут на своих плечах основное бремя современности. Бремя это несет зрелость. Так всегда было, и так будет на земле. Так в жизни, так и в литературе.

Этому поколению жизнь досталась нелегкая (отрочество пришлось на войну, юность на послевоенные годы), но интересная. Работы у них всегда было много, а что может быть интереснее в жизни для нормального человека. А сейчас ее еще больше, чем было всегда, и именно на них с надеждой смотрят юные и старые: на зрелых, как всегда, весь труд ответственности, риск решений. Всем задавать вопросы — а им отвечать. Такой возраст. Их дети еще слишком молоды, а родители уже очень стары.

Со времени подготовки к XXVII съезду КПСС, а особенно со времени съезда, страну охватила решимость действовать, покончить наконец с недосказанностью, с недостатками, решить проблемы, казавшиеся нерешимыми, найти ответы. В этих условиях некоторые книги, выходявшие в прежние годы, должны быть перечитаны, потому что потенции их не использованы полностью. Произведения Анатолия Жукова, вероятно, стоят в этом ряду.

Его книги всегда шли к читателю нелегко. Казались слишком беспокойными. И даже когда выходили, то не были на устах у критиков — по этой причине. Спокойнее казалось не говорить о них и не писать, храня ощущение всеобщей благодати.

На самом деле они, конечно, не были неблагоприятнее самой жизни. Но они воспринимали, воспроизводили жизнь, ее события, проблемы, они всегда были верны по мысли. Исподволь, подспудно литературные произведения этого ряда как раз и готовили те перемены в нашей жизни, свидетелями которых мы стали сегодня.

Готовили своим постоянным вниманием к так называемому простому человеку, будто напоминая, что именно ради его свободы и счастья свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Показывали, как нелегко ему бывает сохранить человеческое достоинство, как трудно ему выжимать из себя по капле раба, как надо помогать ему идти в полный рост, ни перед кем не сгибаясь и ни перед кем не заискивая. Вспомним Щербинина из «Дома для внука» — сколько было свободы

и достоинства в этом старом революционере и как он бился за то, чтобы вокруг него были люди, сполна обладающие этими качествами. Обратим внимание на героиню рассказа «Праздничный сон — до обеда», учительницу из маленького подмосковного городка — и подивимся ее стойкости, самообладанию, широте и щедрости души, ее внутренней независимости. Посмотрим на старика Чернова в повести «Судить Адама!» — как умно и как точно старик воспринимает жизнь, как разумно хочет вмешиваться в нее, изменять.

Такие люди, те, кто был с ними рядом, те, на кого они влияли, не могли в конце концов не заговорить о необходимости перестройки, не могли не начать эту перестройку.

Да, многие произведения А. Жукова драматичны. Но в истинной драме всегда есть оптимистический заряд, потому что в ней жизнь, чудо жизни. И свет идеала. Писатель не только видит, понимает, воспроизводит жизнь, обстоятельства, натуры, характеры, судьбы такими, как они есть. Он знает еще, какими они должны быть при нашем — самом справедливом — устройстве общества и какими они обязательно будут.

Именно этот свет и сообщает перу полноту постижения характеров, именно он и окрашивает слово сочувствием и сердечностью. Потому и мы, читая, будто участвуем в происходящем. Пропадает чувство чтения. Остается ощущение прожитой тобой жизни, воспоминание о близких тебе людях, пройденных с ними путях, вместе пережитых радостях и бедах.

Созданный им мир не только узнаваем, реален, он еще и обладает большой притягательной силой. В этом мире хочется жить, в нем легко и свободно дышится. Пусть трудности, неустройства, проблемы... Всегда неизменно одно: вера писателя в праведность нашей жизни, в огромные потенции советского характера, в то, что все мы — вся огромная страна — еще очень молоды, а значит, хоть и не слишком опытные, зато сильны. Зато с будущим.

Да, будни требуют от нас мужества, терпения, мудрости, великодушия. Да, наши заботы очень не просты. Но и наш оптимизм вполне основателен.

Сеня Хромкин — деревенский Эдисон, которого мы встретили впервые в «Доме для внука», который знаком нам по трем повестям второго романа, а в повести «Голова в облаках», давшей этому роману имя, стал главным героем, — этот Сеня говорит много лишних слов. А какое у него ученье? Девять классов, законченные им в пятьдесят лет. Но голова золотая, не думавши жить не умеет. «Что такое жизнь? — пытается понять эта голова в облаках. — Жизнь есть недоумение в беспредельном пространстве бесконечного времени, удивленного бессмертным упорством смертного человека».

В самом деле поразительно это бессмертное упорство.

«Чего ты хочешь, Сеня?» — спрашивает его любимая жена, красавица Феня-цыганка.

«Жизнь вежливую наладить,— отвечает он.— Чтобы всем — счастье».

Всем — счастье. Меньшего не надо Сене, на меньшее он не согласен. «По отдельности не сумеем, а вместе, глядишь, осилим, одолеем, выполним любую задачу самой невозможной сложности.— Так он рассуждает.— А если не осилим, что ж... Тогда и не виноваты. Но мы будем стараться».

Главный герой Анатолия Жукова — крестьянин, кровный родственник писателя по социальным корням. Может быть, и эта родственность, близость вдыхает в героя жизнь.

Крестьянин... Традиционный герой русской литературы. Рабочая лошадка истории. Кормилец и хранитель великой державы, отчаянно боровшийся за свою жизнь. Теперь мы называем его «человек труда». Он, отвоевавший себе гражданские свободы, ставший хозяином страны, стал и главным героем нашей литературы. За исторически краткий срок он выдержал величайшие испытания, выстояв в революционных боях и войнах, в перестройке вековых жизненных устоев, при невероятном трудовом и духовном напряжении. Новые черты его облика, и внешнего и внутреннего, ярко видны с портретов, созданных А. Жуковым.

И еще одна примета времени: граница между крестьянской психологией и психологией горожанина, рабочего, служащего нынче стерта, перестала быть такой яркой, как была прежде. Крестьяне и понятны, и близки горожанам. В главных, определяющих чертах, в восприятии мира, в поступках наши крестьяне и горожане очень друг на друга похожи.

Размышляя о прошлом и настоящем, планируя будущее, обдумывая ответы на самые разнообразные вопросы, книги Анатолия Жукова живут заботой о счастье для всех — а значит, реально помогают нам «наладить вежливую жизнь».

«Каждый отвечает за всех». Так названа одна из его книг. «Каждый отвечает за всех. Отвечает только каждый в отдельности. Только каждый в отдельности отвечает за всех». Эти слова Антуана де Сент-Экзюпери он взял эпиграфом к одной из самых сильных своих повестей — «Одни». А больше нигде слов об ответственности не говорится. Но сама ответственность ощущается во всем.

Ответственность перед словом. В этой книге мы не встретим слов праздных, напрасных, необязательных. Ответственность перед читателем: осознание своего писательского долга в том, чтобы своей работой помогать соотечественникам, понимание слова как дела. Ответственность перед литературой: нельзя ходить по тропам, протоптанным другими и до тебя, надо прокладывать свои пути. Чем больше путей проложено по земле, тем свободнее — а значит, счастливее — человек: у него большая возможность выбора.

...Так и не стал путешественником Анатолий Жуков. Что ж, ведь не

все мечты сбываются. И далеко не всегда сам человек правильно понимает, что было бы для него хорошо, а что плохо. Есть внутри его сила, которая и определяет судьбу. Жукова заставил стать писателем литературный талант, о котором сам он и не догадывался. Этот талант и заставлял его искать ответа на вопросы, поставленные жизнью. «Самое поразительное,— говорит А. Жуков,— что писать я сажусь только тогда, когда мне что-то неясно, когда я чего-то не понимаю в тех или иных событиях, людях или в жизни... А когда все понятно, писать не станешь, даже мысли не возникнет, а станешь — из тщеславия или по другой какой грешной причине — выйдет искусственно, назидательно, плохо».

В этой книге, по-моему, нет ни одного произведения, написанного по «грешной» причине.

Татьяна Иванова

ЧУДО ПРИРОДЫ

ПОВЕСТЬ

Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.

А. Пушкин

I

Парфенька Шатунов ждал такой удачи всю свою жизнь. А когда долго ждешь, чего только не придет в твою праздную рыболовную голову.

В чудо верят двое — удачливый и неудачник. Парфенька считался удачливым рыболовом на Средней Волге, и жажда сверхъестественного явилась к нему не компенсацией неудач, а развилась именно потому, что он был удачлив, и развилась постепенно, с годами, из понятного желания рыболовного лидера быть на высоте и соответствовать постоянно растущим требованиям современности. Короче, Парфенька намечал определенный пик рыболовной удачи, растил в себе профессиональный идеал, представление о котором с годами вышло за грани реального.

В принципе идеал недостижим, но вовсе не потому, что его нет и не было в действительности, что он только отражает заветные чаяния людей или отдельно взятого человека, но главным образом потому, что идеал все время меняется вместе с человеком (и человечеством), уточняется, становится шире, отодвигается, углубляется и так далее. Это элементарно. Точно так же менялись и представления Парфеньки Шатунова о его рыболовном чуде.

В детстве, лет с пяти-шести, он добывал несколько окуньков или плотвичек, а мечтал об улове взрослого рыбака. Подростком он достиг своей мечты, но тянулся уже не за количеством пойманной рыбы, а за ее качеством и величиной добытых экземпляров, почитал искусство, с каким эти экземпляры добыты.

Например, клюнул здоровенный окунь-горбач. Но разве такой клюет — такой хватает наживку, как волк ягненка, пробочный поплавок, булькнув, исчезает на твоих

глазах, ухает вдогонку испуганное сердце: оборвет, стервец, леску! И вот исхитряешься удержать его, изматываешь, подтягиваешь, отпускаешь, опять подтягиваешь, выводишь... А потом шествуешь с ним серединой главной улицы, несешь его, разбойника, на кукане, а встречные хмелевцы ахают, качают хозяйственными головами и вздыхают.

Или взял судачок. Соблазнился, глупый, розовым червяком, его манящими танцевальными извивами. И опять ореховое удилище дрожит в напряженной руке — судак не деликатничает, вгоняет тебя в пот и озноб своими рывками, не на тресе ведь держится, не на лодочной цепи или пароходной чалке. Но в том-то и искусство, умение твое, что невидимая та жилка, которая лопнет на берегу, как прелая нитка, в воде удержит резвого судака, и ты добудешь его, искусно гася тяжесть и силу рывков сопротивлением гибкого удилища, чуткой руки и не очень надежной лески.

В беспечальной юности это искусство для искусства, чуточку подпорченное тщеславием, хоть и не проходит, но становится недостаточным, потому что тебе надо теперь выделиться с серьезной целью, отодвинуть хмелевских парней и даже друзей, чтобы самому стать первым, лучшим, а для этого надо совершить что-то исключительное, равное чуду. Например, поймать трехпудового сома... Ладно, пусть двухпудового... Ну хорошо, пусть только пудового, хотя в старой Волге водились звери и на два центнера с гаком. И вот, согнувшись под грузом, ты тащишь пудовика домой, а хвост его волочится по мокрой траве, еще не отряхнувшейся от росы. И сколько тут удивлений, восторгов, тайной зависти! Твои товарищи только еще встали, а некоторые и не встали, дрыхнут без понятия, день только-только начинается, а ты уже с добычей. Но главное — об этом узнает (а повезет, так и увидит своими глазами) твоя светлокосая, синеокая Поля, Пелагея Ивановна. Ведь это к ее ногам положены твое искусство, твоя любовь, твоя жизнь. И честолубцем ты стал ради нее, презрел на время товарищей, забыл родных и друзей. Неужто все зря? Неужто не узнает, не оценит?

И Поля конечно же скоро узнала о его подвигах, увидела богатые трофеи — не только окуней и подлещиков, но и сомов, налимов и щук, — оценила его умение и вознаградила сияющей улыбкой, свиданиями, согласием выйти замуж, замужеством, детьми, любовью, внуками,

наконец. И только потому, что у Парфеньки Шатунова клевало. Потому, что он везучий. Потому, что не позади, а, как полагается, впереди него мчалась молва о необыкновенном его таланте и удачливости. И наконец, потому, что в будущем его ждало чудо. Только его, и никого другого. В это давно уже верили все хмелевцы, в это поверил со временем и сам Парфенька, хотя зачем ему теперь чудо, когда главная цель достигнута и любовь Пелагеи завоевана.

Вечно улыбающийся, мечтательный, занятый только думами о рыбалке, Парфенька считался легкомысленным и пустым человеком — в этом его самого и хмелевцев убедила ненаглядная Поля, Пелагея Ивановна, забравшая всю власть в доме сразу после свадьбы. Но эта же Пелагея окончательно утвердила односельчан в рыболовной исключительности Парфеньки, его талантливости, в его узкой специализации. «Ничего больше не знает, паразит, — превозносила она мужа. — Была бы Волга да удочки. И ведь ловит, ловит, негодник! В любую погоду без рыбы не придет, грома на него нету». И сообщала, каких утром сазанов (судаков, шук, лещей) он приволок: крупные, мясистые, вкусные, как поросята. Приходите, пока свежие, завтра опять принесет.

И Парфенька таскал, кормил семью, щедро одаривал односельчан, доверчиво рассказывал о своих рыболовных подвигах и даже о мечте поймать на удочку трехметровую щуку. Точнее, на спиннинг.

Как у всякого великого человека, у Парфеньки не было секретов и тайных помыслов, потому что и в жизни, и в мечтах он стремился не брать от общества, а давать ему — хмелевское общество было этим вполне довольное и признало права Парфеньки на сказочную мечту. Хотя находились, конечно, маловеры, заявлявшие, что немислимо длинную, как рыбацкий челн, щуку он никогда не поймает, тем более сейчас, когда Волга беднеет рыбными запасами. Среди таких маловеров оказались рыбаки Иван Рыжих и Федька Черт¹.

— А сом? — не раз напоминал им Заботкин, председатель райпотребсоюза. — На шестьдесят четыре килограммища и восемьсот граммчиков, свидетели есть, сам взвешивал!

¹ Прозвище. Настоящая фамилия — Фомин (здесь и далее прим. автора).